

ПРОРОЧЕСКИЙ ЗОВ

5 мая 2018 года исполнится 90 лет со дня рождения крупнейшего русского прозаика современности, журналиста и публициста Анатолия Степановича Иванова.

Даже ультра - либеральная в те годы "Литературная газета" (9.06.1999 г.) признала его "автором знаменитых романов-эпопей "Тени исчезают в полдень" и "Вечный зов", особенно прославившихся благодаря многосерийным телеэкранизациям в 70-е годы", наградив его именем "популярного советского беллетриста, который яростно боролся с сионистами, декадентами и диссидентами всех мастей..."

Вот уж с чем действительно не поспоришь, так это с тем, что российским либералам всех мастей от Иванова очень крепко досталось, как в его романах, так и в жгуче острой публицистике.

"С Анатолием Ивановым и такими, как он, отходит в прошлое целая историческая эпоха, – не преминула поёрничать "ЛГ". – Проводим её молча и по возможности спокойно и прилично. Достойное расставание с нашим прошлым – залог достойного будущего" (Там же, с. 9).

Думаю, куда достойней и приличней нынче, по прошествии уже изрядно заклеимённого той же либеральной печатью беспредела 90-х годов, с уважением относиться к своему прошлому, дабы не прослыть дикими и невежественными, о чём предупреждал ещё наш национальный гений А.С. Пушкин...

...Имя А.С. Иванова засияло на литературном небосводе в конце 1950-х – начале 1960-х годов с выходом в свет его лирико-исповедальных, продолживших романтическую традицию в русской прозе, рассказов "Алкины песни", посвящённых, конечно же, вечному и всепоглощающему чувству любви, ярких социально-психологических романов "Повитель" и "Тени исчезают в полдень", удачно воплощённых в кинематографе, в которых поднята зловещая проблема, чрезвычайно актуальная для наших дней, - разлагающего душу и сердце собственничества.

Как показало с исчерпывающей полнотой остроконфликтное развитие исторических событий в "перестроечной" России, "Повитель" и "Тени исчезают в полдень" стали пророческими книгами, зримо и убедительно показавшими, куда мы идём и куда поворачиваем, в какую бездонную пропасть сваливается Россия, попавшая в капкан прозападной «демократии»... Не потому ли ими нынче зачитываются люди, оказавшиеся в цепких лапах пресловутых "реформ" и псевдodemократических "преобразований", а точнее сказать, под жутким и нестерпимым прессом молниеносно реставрируемого на крови и страданиях миллионов простых граждан капитализма.

1960-70-е годы, на которые выпал расцвет творческого пера А. Иванова, ознаменовались в нашей литературе бурным развитием эпического

романа, главным предметом изображения которого стала русская история XX века, тесно сопряжённая с отдельной человеческой судьбой. В романе "Тени исчезают в полдень" выражен пристальный интерес автора к противоречивой идеологической сфере советской действительности, к вечным морально-этическим и национальным ценностям духа, к сложным и запутанным нравственным поискам, причём решаются они в философском ключе, в аспекте острейшей и непримиримой схватки истинных и мнимых национальных ценностных ориентиров.

В романе чётко и недвусмысленно определена авторская позиция: действия людей не хаотичны и не случайны, обусловлены сложными внутренними связями, идейными, психологическими и социальными обстоятельствами, хотя представляются на первый взгляд сугубо личными, индивидуальными, независимыми друг от друга.

Писатель не скрывал, что творческим ориентиром для него в осмыслении мира и человека стала шолоховская эстетика с её пристальным интересом к судьбе положительно-прекрасного героя в контексте трагических социально - исторических изломов эпохи. Не потому ли в ярких персонажах А. Иванова, в их драматически сложившихся судьбах зримо угадывается словно бы продолженная на новом витке общественного бытия судьба Григория Мелехова, гениально воссозданного творческой рукой М.Шолохова?..

Выработался чёткий художественный метод писателя, строго направленный в сторону осмысления народной судьбы, сложных, неоднозначных, противоречивых до парадоксальности народных характеров. Столь же уверенно можно говорить и о творчески продолженной А. Ивановым психологической неоднородности и драматической конфликтности персонажей Достоевского.

В какие камуфлирующие одежды нынче рядятся нравственные отщепенцы, живо напоминающие отъявленного негодяя и лютого русоненавистника Смердякова, чтобы скрыть свою враждебную античеловеческую сущность, – вот что интересует писателя в первую очередь.

Такова супружеская чета Морозовых, укрывшаяся под личиной "благоверных" религиозных фанатиков-сектантов, заражённая злобной ненавистью к России, поддерживающая активную связь с зарубежными идеологическими центрами, где верховодят кукловоды-русофобы.

Так ещё в 1960-е годы А. Иванов чётко и убедительно обозначил истоки формирования в СССР "пятой колонны", которая сыграет впоследствии роковую, духовно-разлагающую роль в губительном разрушении Советского государства и будет всеми силами рваться к власти в стране в начале 1990-х...

Вершиной в творческой эволюции А. Иванова "почвенническая", патриотическая критика не без оснований признала двухтомный исторический роман-эпопею "Вечный зов", в котором писатель не только достиг высокого художественного мастерства и гражданской зрелости, но и

показал, что отечественная литература, как в раннем средневековье, призвана исполнять роль вечного колокола, будить сознание людей и звать на защиту родины от нависшей грозной опасности. Без преувеличения, "Вечный зов" – пророческая книга, предсказавшая приход зловещих событий в России в роковые 1990-е годы.

В своих актуальных социально-политических исканиях писатель был не одинок. В 1970-е годы немало смелых и мужественных русских художников слова, патриотов-просветителей, глубоко озабоченных тлетворным влиянием на общество хвалёного западного либерализма, выразили серьёзную тревогу о грядущем Отечества.

Сложное сочетание времени и социально-исторических катаклизмов в ретроспективном изображении проявилось в "Судьбе" П. Проскурина, "Истоках" Г. Коновалова, "Береге" Ю. Бондарева, в рассказах, повестях и публицистике В. Распутина, В. Чивилихина, В. Солоухина, Б. Можая, в прозе недавно ушедших от нас И. Шевцова и В. Белова и других писателей - "почвенников".

В ярких художественно-публицистических романах "Тля", "Свет не без добрых людей", "Бородинское поле", "Набат" друг и коллега А. Иванова по литературному цеху Иван Михайлович Шевцов прямо и конкретно указал на главнейшую опасность для советской России – возрождение троцкизма в сионистской оболочке, активно подпитываемого западными русоненавистниками, с чётко поставленной целью - разрушить великую державу.

Взбешённая либеральная "элита" готова была живьём съесть каждого, кто осмеливался даже заикнуться о достоинстве и плачевном состоянии русского человека в собственном отечестве. А тут в целом ряде произведений высшей литературной пробы вдруг во весь голос зазвучал мотив оскорблённой и униженной русской судьбы!..

Елена Владимировна Чивилихина – супруга выдающегося прозаика В.А. Чивилихина вспоминала: "Его (В.А. Чивилихина. – В.Ю.), русского писателя, очень сильно "зажимали", замалчивали. Ему не простили русской героики, которой пропитаны все его произведения. Володя, может быть, как никто другой, знал причину, понимал природу подобного отношения к русским писателям" (России верный сын. – Гудок. 14 марта 1998 г. С. 6).

Испытать в полной мере на себе жестокие удары тайных и явных русофобов пришлось и А. Иванову. Его книги встали неприступной крепостью на пути озлобленно-свирепой либеральной "элиты". Мужественный писатель остался твёрдым и непреклонным, верным себе и своим творческим идеалам в разоблачении матёрых врагов русской жизни. Полипов, Лахновский, Валентик не просто противостоят положительно-прекрасным героям "Вечного зова", но выражают идейно-политическую программу оголтелых русофобствующих сил в России и на Западе, проникают в самую сердцевину русской национальной жизни, чтобы дискредитировать и разрушать её изнутри.

Напомню читателям ключевой фрагмент романа, из которого со всей очевидностью явствует, как в строгом соответствии с известной доктриной Даллеса на Западе планировалось уничтожение Советского Союза, когда ещё страна не успела оправиться после кровавой, изнуряющей Великой Отечественной войны. Впрочем, этот монолог патентованного русофоба вовсе не утратил своей жгучей актуальности и в наши дни.

- Мы? Кто мы? – переспросил Полипова Лахновский. – Мы – это мы. Вы называете нас до сих пор троцкистами... Это была грозная сила. Вы много болтаете о троцкизме, но не знаете, не представляете, какая это была сила...

И какое возмездие ждало Россию! Но ваш проклятый фанатизм одолел и эту силу. Это вам, всей России, всей вашей стране никогда не простится! Борьба далеко не окончена! наших людей ещё много в России. А за её пределами ещё больше. Ты даже не представляешь, какими мы располагаем силами. Какой мощью... Только действовать будем теперь не спеша. С дальним и верным прицелом... после войны мы пойдём другим путём. Будем вырывать эти духовные корни, опошлять и уничтожать главные основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её!

На вопрос Полипова: каким же методом враги собираются сокрушить, казалось бы, незыблемую и несокрушимую советскую твердыню, Лахновский самоуверенно разглагольствует:

- Газеты, журналы, радио, кино... всё это у большевиков, конечно, есть. А у нас ещё больше. Вся пресса остального мира, все идеологические средства фактически в нашем распоряжении. Мы бросим всё, что имеем, чем располагаем... всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить! Мы найдём своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России! Мы их воспитаем! Мы их наделаем столько, сколько надо! И вот тогда, вот потом... со всех сторон – снаружи и изнутри – мы приступим к разложению... Мы, как черви, разъедем этот монолит, продырявим его. Общими силами мы низведём все ваши исторические авторитеты, ваших философов, учёных, писателей, художников – всех духовных и нравственных идолов, которыми когда-то гордился народ, которым поклонялся до примитива, как учил, как это умел делать Троцкий...

Историю народа мы будем трактовать как бездуховную, как царство сплошного мракобесия и реакции. Постепенно, шаг за шагом, мы вытравим историческую память у всех людей. А с народом, лишённым такой памяти, можно делать что угодно. Народ, переставший гордиться прошлым, забывший прошлое, не будет понимать и настоящего. Он станет равнодушным ко всему, отупеет и в конце концов превратится в стадо

скотов. Что и требуется! Я приоткрыл тебе лишь уголочек занавеса, и ты увидел лишь крохотный кусочек сцены, на которой эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия о гибели самого непокорного на земле народа, об окончательном, необратимом угасании его самосознания... Конечно, для этого придётся много поработать" (Вечный зов. М., 1977, с. 393 - 400).

И "поработали"!.. Одного только не учли злобствующие "плановики" на Западе вкупе со своими либеральными марионетками в России: никогда не была и не будет сломлена воля великого русского народа. Никогда, ни в какие самые тяжкие времена своей многовековой истории русичи не мирились и не станут мириться с рабством, по праву заслужив высокое звание самого непокорного, гордого и свободолюбивого народа.

Русская свободолюбивая душа и рабство – несовместимы. Это квинтэссенция романа "Вечный зов", его основная идея, в этом его глубокий философско-пророческий смысл.

Продолжая развивать и утверждать идеологию русского национального патриотизма в её многовековом историческом срезе, в киноповести "Ермак" А. Иванов обратился к XVI веку – эпохе утверждения и бесповоротного закрепления российской государственности. Художник ищет причинно-следственные связи между прошлым, настоящим и будущим, пытается получить ответы на мучительные вопросы: что с нами нынче происходит? Как могло случиться, что созданная веками упорнейшего созидательного труда и великой крови могучая российская держава вдруг оказалась на грани полного развала, в состоянии страшного социального хаоса и удручающей духовно-нравственной деградации?..

"Ермак" будто встряхнул наше национальное самосознание, напомнил о славных деяниях предтеч и заставил самокритично, взыскующе взглянуть на самих себя "со стороны": достойны ли мы священной памяти своих великих предков?..

Праволиберальная пресса тут же обвинила писателя в пресловутом "русском шовинизме", в "экспансивных колонизаторских настроениях" и даже в "оккупационном национализме": как же, ведь инициировавший поход Ермака в Сибирь "кровавый тиран, изверг и палач" Иван IV, дескать, "мечом и кровью расширял свои владения", "жестоко угнетал» окрестные свободолюбивые племена и народы Сибирского края...

В ярких картинах и образах А. Иванов убедительно развенчал затасканные псевдоисторические мифы, показал, что присоединение Сибири к России, как и Севера, и расширение южных границ – процесс исторически объективный и прогрессивный, в нём были заинтересованы как русские люди, так и многочисленные коренные народы, которых более трёхсот лет жестоко угнетали пришедшие с востока татарские завоеватели. Стычки с отдельными князьками местных племён не были правилом, скорее, исключением, "они не нарушали общей картины мирного и бескровного присоединения к России народов Сибири. Приход русских, стоящих на более высокой ступени развития, дал им (коренным жителям Сибири. – В.Ю.)

толчок для продвижения по пути исторического прогресса. Дальнейшее освоение сибирских земель, лесов и недр шло совместными усилиями русских и народов этого края", - подчёркивает известный донской историк и писатель Василий Гнутов, автор романа "Подвиг Ермака" (Ростов-на-Дону, 1986, с. 360).

Широко бытующие выражения, активно насаждаемые в современных учебниках и монографиях по истории, - "колонизация Сибири, Севера, Востока", "покорение Сибири Ермаком" и пр. и пр. следует понимать с большой долей условности и по сути как неверные, с явным русофобским замесом: разве справедливо называть "покорением" подлинное освобождение местных сибирских племён и народов от их злейшего врага и угнетателя Кучума, избавление от непомерной дани и дикого геноцида, приобщение к великой русской нации в области экономики, культуры, духовной жизни?..

Не секрет, что северные и сибирские народы сохранились этнически, уберегли свой язык, культуру, обычаи, нравы только благодаря сближению (не ассимиляции!) с могучей Россией.

Благодаря удивительной этнической и религиозной терпимости русского народа в России мирно уживались десятки и сотни наций, народностей и этнических групп. Не потому ли, нисколько не впадая в сладкозвучный захваливающий елей, Достоевский восхищённо называл русских "нацией будущего"?..

Разумеется, не следует идеализировать межнациональные отношения в Российской империи. Были в истории и военные походы русских войск на сопредельные земли с целью сохранения границ великой Российской империи. Но всякий раз эти войны не носили характер зловещей экспансии, не ставили целью истребить коренные народы, уничтожить их религию, культуру, как это с неимоверной лёгкостью и потрясающей воображение "естественностью" делали (и делают!) иные европейские "цивилизаторы" с коренными индейцами или африканцами, загоняя их в резервации, оставляя после своих конквистадорских походов кровь и пепел...

Весь дух и плоть киноповести «Ермак» убедительно говорит о доброте и несомненном великодушии русского человека, по определению глубоко чуждого захватнической психологии и аморального лукавства.

Гуманистический пафос, идейная основа "Ермака" убеждают в простой, но чрезвычайно важной и актуальной сегодня мысли: мирно расширяясь в своём необозримом пространстве, начиная с крохотного Московского княжества, за какие-нибудь четыре-пять веков, что по историческим меркам совсем мало, до великой многоэтнической и поликонфессиональной империи, Россия обрела физическую и нравственную мощь государства - освободительницы сопредельных народов.

Народный дух художественного сознания А. Иванова проявился в его социально - психологической повести "Вражда", опубликованной незадолго до кончины писателя. Это произведение можно было бы назвать романтическим, если бы не столь суровая реальность жизни в ней, нарисованная столь же суровыми реалистическими красками. А романтизм

мышления автора, к слову, неизменно одухотворяющий и осветляющий все его произведения, виден в метафорической насыщенности словаря, в мощных, духовно приподнятых образах, в переплетении волнующей лирики и драматического эпоса.

...1944 год. Далеко от фронта расположилась сибирская деревня Романовка, в которой "молодых мужиков, кроме председателя Пилюгина да хромоногого Петрована Макеева, колхозного кузнеца... давно уж не было". Дотянулась и сюда война: нескончаемый поток зловещих похоронок, усталые от непосильно труда лица женщин, угрюмые старики, голодные не улыбкающие дети...

В это страшное время всенародных испытаний пришлось растить шестерых ребятишек Катерине Афанасьевой. От роду ей двадцать, а на руках младшие братья и сёстры, да чужие мальцы, ставшие родными. Сильна и красива духом Катерина. Глубока и трогательная её любовь к детям. И не пересилить эту любовь никаким страданиям. Нравственная сила девушки – в умении ощущать чужое горе как своё, в её жертвенности, в безоглядной готовности найти слово надежды уставшим от войны людям. Люди говорят ей: "Сердешная ты душой у нас..."

Образ русской женщины - труженицы и великомученицы Катерины символизирует собой многострадальную Россию.

Как однажды обмолвился в беседе с автором этих строк обычно не словоохотливый Анатолий Степанович, в образе Катерины им воплощены черты его матери, о которой он хотел написать отдельную повесть. Но осуществить свой замысел не успел...

...Творчество А.С. Иванова многожанрово и многопроблемно, самобытно и вместе с тем традиционно, то есть, осваивая творческие искания отечественной классики, писатель внёс немало ярких, индивидуальных художественных открытий в области русской прозы. В каждом своём произведении писатель демонстрирует безоглядную преданность Отечеству, России, памяти предков, стремится воспеть благородную душу русского человека.

Мой рассказ о творчестве писателя был бы не полным, если бы я не упомянул ещё одну важную область его деятельности – журналистскую и публицистическую. А.С. Иванов был главным редактором одного из самых популярных в России журналов "Молодая гвардия", в котором увидели свет лучшие произведения как широко известных, так и начинающих русских авторов. Под его руководством этот журнал в 1980 – 90-е годы стал одним из главных патриотических центров национального сопротивления русофобским космополитическим силам.

Сменив на посту главного редактора журнала Анатолия Никонова, давшего путёвку в литературу многим замечательным писателям и публицистам патриотического мышления, А. Иванов достойно и уверенно продолжил сформировавшуюся идеологию русского патриотического направления, несмотря на градом сыплющиеся на него всевозможные

клеветнические измышления и обвинения со стороны враждебной либерально-космополитической публики.

...А.С. Иванов ушёл из жизни в полном расцвете творческих сил, мудрости и гражданской зрелости. Его произведения пользуются огромной популярностью в наше нелёгкое для судьбы России время. Больше того, ныне они обрели особую актуальность и читательскую востребованность, помогая людям труда глубоко осознать настоящее и предвидеть будущее своей Отчизны. Истинно выдающийся художник слова по праву заслужил народное признание.

Владимир Юдин,
г. Тверь